

В. Г. Белинский

Педант. Литературный тип

Виссарион Григорьевич Белинский

Педант. Литературный тип

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779335

Аннотация

Памфлет направлен против С. П. Шевырева, поэта, критика и теоретика литературы. С самого начала 40-х гг. Шевырев становится идеологом «официальной народности», воинствующим противником любой сколько-нибудь демократической тенденции в литературно общественной жизни, раболепным прислужником столпов николаевского режима. «Педант» увековечил презрительную характеристику Шевырева в потомстве; при этом весь его жизненный путь представлен Белинским как последовательное становление этого «литературного типа».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

Педант. Литературный тип

Всем ученым и образованным людям ведомо, что словесность, то есть литература, должна иметь целию – *поучать, услаждая*^[1]. Покойный Мерзляков, великий знаток и учитель по части изящного, даже перевел (и прекрасно), кажется, из Тасса, чудесные стишки на этот счет;

Так врач болящего младенца ко устам
Несет фиал, сладьми упитан по краям:
Счастливец оболыщен, пьет горькое целенье,
Обман ему дал жизнь, обман ему спасенье!^[2]

Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль – дело хорошее, спору нет, но и скучное, горькое – против чего опять никто спорить не будет; следовательно, надо же ее подслащать, *рассычать*, чтоб она достигала своей цели, то есть исправляла нравы, делала дурака умным, пьяницу трезвым, взяточника и казнокрада – бескорыстным, бездарного писаку отучала от пера, ябедника и клеветника от ложных доносов...

Далее, всей просвещенной Европе известно, что «идеал есть не что иное, как собрание в одну фигуру разных черт,

разбросанных в природе и действительности, – а отнюдь не сама действительность в возможности. Творчества тут не нужно: хотите изобразить красавицу – приглядывайтесь ко всем красавицам, которых имеете случай видеть; у одной срисуйте нос, у другой глаза, у третьей губы и т. д. – таким образом вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти определения – «литературы» и «идеала» – чрезвычайно основательными и верю им безусловно. Особенно хороши они тем, что, во-первых, избавляют автора от необходимости иметь талант и фантазию, а во-вторых, уничтожают возможность писать такие изображения, в которых всякий, кто б ни был, мог узнать себя и вследствие этого жаловаться на личности...

Само собою разумеется, что этот взгляд на «литературу» и «идеалы» особенно удобен для «типов» вроде тех, которые теперь известны под именем «Наших»^[3]. Гоголь сказал великую правду, что «у нас если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет»^[4]. Поэтому я нахожу гораздо приличнее и удобнее изображать такие типы, которых совсем нет в действительности, но которые были бы очень смешны: чрез это автор достигнет двух целей разом – доставит удовольствие своим читателям и никого не обидит.

Вот причины, которые заставили меня взяться за перо, ко-

¹ «Современник» 1836 года, т. III, стр. 60.

торое давно уже было мною забыто, и попытаться сделать очерк одного из таких *педантов*, которых нет и быть не может, но которые могут существовать в праздном воображении человека, подобно мне имеющего свободное время для бумагомарания. Если мой педант не рассмешит вас и не доставит вам удовольствия – это обнаружит только мое неумение и мою бесталантность. Я нарочно взял предмет для типа из такой сферы, которая у нас не представляет собою ни сословия, ни касты. Все эти мои оговорки проистекают из рокового предчувствия, что мой тип, вместо улыбки, возбудит в вас зевоту, вместо того чтоб рассмешить, усыпит вас; ибо – признаюсь вам – я не слишком-то полагаюсь на свой талант по части типов... «Так зачем же беретесь?» – скажете вы. Во-первых, хочется попробовать – «авось-либо» – великое слово для русского человека, который многое делает на «авось»; потом, неотвязчивые просьбы приятелей: «Вы-де знаете педантов и можете их изобразить; теперь-де типы в моде, *наши* в ходу; да кто вам сказал, что вы не можете? вы человек с дарованием»... Что будешь делать! Вы не знаете, что это за народ – мои приятели! Как пристанут – непременно уговорят; станут вам доказывать, что вы человек с дарованием, – право, сочините роман, хотя бы всю жизнь занимались математикою или сельским хозяйством... Ну, что ни будет – начинаю и, для успокоения крепко биющего сердца, прошу вас еще заметить, что это не тип собственно, а скорее очерк или проект для типа...

Не воображайте себе моего педанта человеком старым, седым, беззубым, добрым и глупым, обожателем Хераскова, поклонником Сумарокова, последователем философии Баумейстера, пиитики Аполлоса и реторики г. Толмачева:^[5] то педант доброго старого времени, педант-покойник, – мир праху его! Нет, я хочу вырезать вам силуэт педанта новейших времен, педанта-романтика, который так молод, что еще и не родился на свет; так вам знаком, что вы не поверите мне, чтоб его можно было найти и на луне, не только на земле. Но если уж болтать, то надо болтать обстоятельно, делая вид, что говоришь правду: в этом-то и все смешное моего типа... Мой педант – сын бедных, но благородных родителей. Не претендуя на богатство, он претендует на знатность рода^[6]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Перефразированная сентенция Булгарина: «поучать – забавляя», которой – в предисловии к роману «Мазепа» (1834) – определялась задача писателя. Это высказывание представляет приспособленный для нужд «нравственно-сатирического» направления канон поэтики классицизма (см.: «Наука поэзии» – Гораций. Полн. собр. соч. М., «Academia», 1936, с. 350).

2.

В отдельном издании «Освобожденного Иерусалима» в переводе А. Ф. Мерзлякова (1828) соответствующие строки читаются иначе:

3.

Имеется в виду альманах А. П. Башуцкого «Наши, списанные с природы русскими» (1841–1842), пять первых выпусков которого критик отрецензировал в предыдущем номере «Отечественных записок» (см.: наст. т., с. 501–503; см. также преамбулу к этой рецензии). Подзаголовок «Педанта» указывает на то, что Белинский, предлагавший редактору альманаха изображать литературные типы, сам реализовал это пожелание.

4.

Цитата из повести Н. В. Гоголя «Нос» (1836).

5.

Философия Ф.-Х. Баумейстера, «Правила пиитические...» А. Д. Байбакова (Аполлоса), «Правила словесности...» Я. В. Толмачева в 40-е гг. XIX в. воспринимались как явный анахронизм.

6.

Боярская фамилия Шевыревых была известна уже в XVI в. В связи с этим А. И. Герцен в «Былом и думах» иронически писал об увлечении Шевырева «своим предком, который середь пыток и мучений, во времена Ивана Грозного, пел псалмы и чуть не молился о продолжении дней свирепого старика» (Герцен, т. IX, с. 164).